

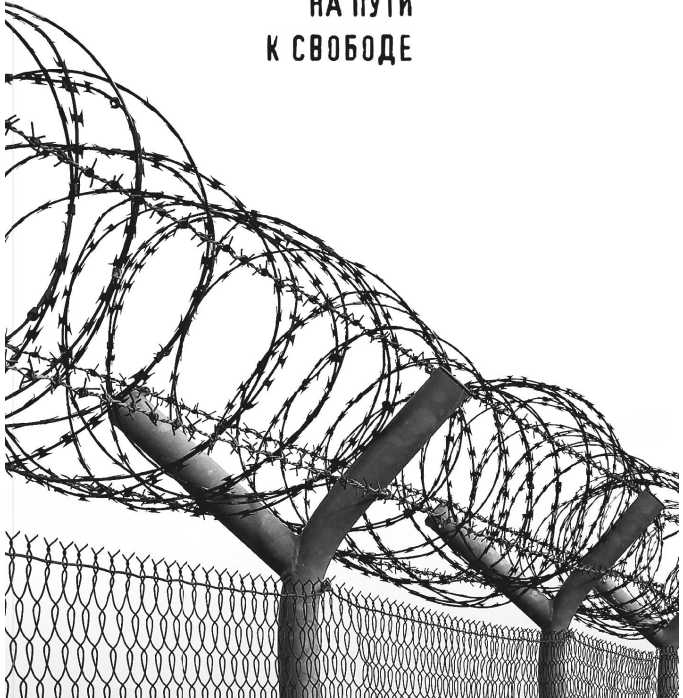
ЫНСУН КИМ

ПОБЕГ

ИЗ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ

НА ПУТИ
К СВОБОДЕ

Себастьян Фаллетти
Ынсун Ким
Побег из Северной
Кореи. На пути к свободе

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29810047

Ы. Ким. С. Фаллетти. Побег из Северной Кореи. На пути к свободе:

ООО «Кучково поле»; Москва; 2016

ISBN 978-5-9950-0678-7

Аннотация

Книга представляет собой воспоминания корейской девушки, которая со своей матерью и старшей сестрой в течение девяти лет пыталась добраться из Северной Кореи в Южную. Их одиссея началась во время голода 1998 года, когда Ынсун было 11 лет. После скитаний по родной стране семья решила бежать в Китай. Переход границы, семейное рабство в китайской деревне, рождение брата, бегство в Далянь, потом в Шанхай, мечта о Южной Корее, наконец, переход через пустыню в Монголию, а оттуда после долгих мытарств путешествие в Сеул и новая жизнь. Глазами этой девушки читатель видит повседневную реальность общества Северной Кореи и тот путь, что приходится пройти тем, кто хочет выбраться из одного из самых закрытых и авторитарных государств мира.

Содержание

Декабрь 1997 года. Смерть в одиннадцать лет	5
Глава 1. Написать, чтобы сохранилось свидетельство	10
Глава 2. Я была хорошей ученицей...	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Ынсун Ким,
Себастьян Фаллетти
Побег из Северной
Кореи. На пути к свободе**

Eunsun Kim

Sebastien Falletti

Corée du Nord. 9 ans pour fuir l'enfer

© Michel Lafon, 2012

© ООО «Кучково поле», издание на русском языке, 2016

* * *

*Благодарим Сучжин Парк, Ынчжи Парк,
Дживон Лим за перевод истории Ынсун Ким и вклад
в создание этой книги.*

*Молодым людям Северной Кореи. Пусть они
обретут свободу и право на мечту.*

Декабрь 1997 года.

Смерть в одиннадцать лет

Почти целую неделю я провела одна в нашей маленькой промерзшей квартире в Ындоке, северокорейском городке, где я родилась. Мои родители продали всю мебель, за исключением платяного шкафа и низкого столика, чтобы купить еду. Ушло и покрытие с пола, так что я спала в самодельном спальном мешке из старой одежды прямо на бетоне. Лишь фотографии в рамках (наш «вечный президент» Ким Ир Сен и, рядом с ним, его преемник, Верховный Главнокомандующий Ким Чен Ир) остались на голой стене и пристально смотрели на меня. Но продажа этих портретов считалась святотатством и каралась смертью.

Смеркалось, но мне еще удавалось разбирать написанное. Электричество отключили; впрочем, лампочки уже давно пропали. Декабрьский день заканчивался, медленно наступала ночь. Отопление не работало, но я едва чувствовала холод: сил почти не осталось. Я ничего не ела несколько дней, и вскоре меня ожидала голодная смерть.

Итак, я взялась писать завещание.

Мне было 11 лет.

Я приняла это решение, когда вернулась домой. Три раза я выходила из дома на поиски мамы и старшей сестры, Кым-сун. Они поехали в Раджин-Сонбон, большой соседний город, потому что в Ындоке нам нечего было есть; с тех пор прошло уже шесть дней. Собрав всю свою храбрость, я быстро пробежала по большому мосту через реку, потом поднялась по главной улице до вокзала. Прохожие на улице попадались редко, но я пристально рассматривала всех встречаемых: боялась разминуться с мамой, если она будет возвращаться домой. По дороге я заметила слева магазин, где торговали лапшой (я ее очень любила, и раньше папа меня водил туда по праздникам); а дальше – фотостудию (там напечатали наш семейный портрет). На вокзале мне позволили бесплатно (из-за того, что я была еще ребенком) присоединиться к толпе народа позади грузовика, который через час отправлялся в Раджин-Сонбон.

Всю дорогу я не переставала нервно оглядывать встречаемые машины и грузовики: искала мамино лицо. Но в итоге я очутилась одна у заставы, охраняемой отрядом людей в форме. Путь в Раджин-Сонбон преграждала колючая проволока под током. Чтобы попасть в город, обязательно требовалось специальное разрешение. Вот почему целый час я вынуждена была оставаться на посту, с надеждой и болью вглядыва-

ясь в силуэты выходявших людей. Ни мама, ни Кымсун через заставу так и не прошли. Приближалась ночь, и я, подавленная, решила вернуться домой.

На этот раз я была уверена, что мать и сестра никогда не вернуться: или с ними что-то случилось, или они меня бросили. С тяжелым сердцем я положилась на волю матери. Уезжая, она сказала, что принесет поесть «через два или три дня», и оставила мне 15 вон на жизнь. В моих глазах – целое состояние!

Поначалу я была очень взволнована, ведь у меня никогда не было столько денег! Глаза у меня сияли. Я совсем одна, как взрослый человек, гордо расплатилась на *янгдаданге*, рынке возле реки. Купив кусок тофу, я вернулась в нашу крошечную квартирку с комнатой-кухней на первом этаже. Там я маленькими ложечками ела мягкий белый тофу, ограничивая себя, чтобы продержаться до возвращения семьи. Какое наслаждение, я обожала тофу! Два дня я оставалась дома и смотрела на людей из окна, выходящего на улицу. Несколькими неделями раньше, 11 ноября, умер отец; с тех пор мы с сестрой больше не ходили в школу: чтобы как-то прожить, нам приходилось заниматься сбором корней и дров в горах. Да и стыдно было бы нам вернуться в класс, не имея приличной одежды. Мы ходили в отрепье, все остальное продали. На улице я всегда боялась случайно наткнуться на знакомых.

К концу второго дня меня стал терзать голод. И еще я

боялась, что меня бросили. После того, как я доела тофу, не осталось ничего. И мама все не возвращалась! Я лежала на полу, закрыв глаза, и считала про себя: конечно же, она появится, когда я досчитаю до десяти. Но ничего не изменилось. Тогда я стала считать с десяти до одного. Дальше не получалось. Потом я узнала, что такое голод. На балконе нашлось несколько пыльных листьев репы, оставшихся с тех пор, когда мы ее сушили. Я выбрала наименее пожелтевшие, прокипятитила и сделала суп. Два дня я жила на этом безвкусном питье. Потом еще два дня во рту у меня не было ни крошки: сил не осталось даже на то, чтобы пойти просить милостыню или украсть что-нибудь. Понемногу тело приспособлялось к назойливому голоду, но я слабела. Меня все сильнее охватывала тяжелая усталость. От слабости клонило в сон и возникало мучительное ощущение, что я проваливаюсь сквозь пол. Это было странно: я чувствовала себя так, словно меня затягивало в глубь земли.

Пришло тяжелое осознание приближающейся смерти. Моя семья рисковала вернуться слишком поздно. Все было кончено. С тех пор, как начался голод, я привыкала к мысли, что не выдержу, и теперь даже не боялась смерти.

Все же я говорила себе, что не могу вот так бесследно уйти. Это было бы странно... И тут я внезапно решила написать завещание. Я хотела объяснить матери, что пережила. Я хотела, чтобы она знала: я ждала ее, изо всех сил старалась ее найти; и особенно – о том, что я чувствовала себя

брошенной.

В ящике стола я нашла маленький блокнот и карандаш – редкие вещи, оставшиеся непроданными. Бумага была хорошего качества. В сумерках я скорчилась на полу и начала писать. Я писала о своих злключениях, о трех поездках до большого города и обратно. Я была в отчаянии. Стиснув карандаш, я исписала целую страницу.

«[...] Мама, я тебя жду. Я тебя жду шесть дней. Я чувствую, что скоро умру. Почему ты не приходишь?»

Потом я расплакалась и всхлипывала в темноте, которая все плотнее сгущалась вокруг. Внезапно я услышала шум на лестнице; сердце подскочило. Но это всего-навсего вернулись домой соседи...

Я оставила записку на столе, на видном месте. Потом, с мокрым от слез лицом, вытянулась на полу и закрыла глаза. Я была уверена, что больше не проснусь.

Глава 1. Написать, чтобы сохранилось свидетельство

Март 2011. Смыкаются автоматические двери. Поезд трогается с места, перед глазами тянется платформа, а потом меня поглощает черный туннель. Внезапные вспышки света на темной стене, калейдоскоп цветных пятен – реклама со слоганом, который я не успеваю прочесть. В Сеуле все, даже метро, движется слишком быстро.

Мне 25 лет, меня зовут Ынсун. С виду я обыкновенная студентка, и благодаря моему миниатюрному телосложению никто не замечает, что я старше сокурсниц. Через 40 минут я приеду в университет Соган, один из лучших в Южной Корее. Я со своими ценностями и друзьями чувствую себя как дома в нашем кампусе, пусть он и не такой эффектный, как в престижном Корейском университете или в университете Енсе.

Весь день уже расписан. Вооружившись желто-оранжевым ноутбуком «Самсунг», я проведу время в библиотеке за подготовкой к экзамену. Иногда буду стучать по кнопкам фиолетового айфона, разыскивая товарищей для похода в «Старбакс» на территории кампуса. Мне латте, – эспрессо слишком горький. Потом – возвращение в библиотеку, где я постараюсь не заснуть на книгах. Я изучаю китайский язык

и китайскую культуру (вы позже поймете, почему). В Южной Корее бешеная конкуренция за лучшие оценки, но я делаю все возможное. Среди моих товарищей немногие знают, что я долгие годы была лишена обучения в школе, так как я стараюсь скрывать отставание. Я люблю учиться, особенно в начале семестра, когда новые преподаватели приводят в восторг, и я узнаю массу всего. Около десяти вечера я вернусь в нашу квартирку, затерянную в сердце большого города, и найду там Кымсун и маму.

Сеул – гигантская столица, где живет больше 15 миллионов человек, возвышаются небоскребы и пролегают бесконечные автострады. Посреди Сеула, охваченная колоссальными мостами, течет огромная река Хан. Когда она замерзает зимой, можно обходиться без мостов и переходить ее по льду. Дальше, прямо в центре, возвышаются остроконечные горы; на одной из них возведена огромная телебашня. Башня Намсан – символ города, который меня приютил. Конечно, в Сеуле во время июльских дождей случаются многочасовые автомобильные пробки, да и аренда жилья здесь стоит безумных денег. Но жизнь так увлекательна, так удобна, и все так быстро движется! Повсюду есть высокоскоростной Интернет. Днем и ночью развлечения на каждом углу. В студенческом квартале Синчон я часто встречаюсь с друзьями по вечерам, чтобы выпить местного пива *между* в круглосуточно открытых барах. Мы едим сушеных осьминогов и *чу-*

куми (особый вид осьминога с пятью конечностями). Королевская еда! Их можно проглотить целиком. Но приятели не верят, когда я говорю им, что лучшие морепродукты – в Северной Корее. А между тем это правда! Они меня не понимают, потому что я из другого места. И они даже вообразить не могут, какое оно...

Метропоезд разогнался до полной скорости, пол в вагоне вибрирует под ногами. Рядом со мной *аджума* с завитыми волосами смотрят свой любимый сериал на экране телефона со складной антенной. *Аджума* – так здесь называют домохозяйек... Студентки, обутые в туфельки на высоких острых каблуках, держатся за металлические поручни и с отстраненным видом слушают айпод через наушники, словно примагниченные к ушам. Еще одна девушка достает карманное зеркальце и подкрашивает ресницы. Девушки с презрением игнорируют бродячего торговца компакт-дисками: тот при помощи колонок на колесах пытается продать старикам в вагоне коллекцию Фрэнка Синатры. За окном огромные станции проплывают мимо, механически сменяя друг друга.

Южнокорейское метро навевает задумчивость. Я погружаюсь в прошлое: вспоминаю метро в Пхеньяне, где давным-давно побывала вместе с папой. Станции там были такие величественные и роскошные, с фиолетовыми люстрами, как в кино! На здешние бледные светильники и смотреть не стоит. Я всегда буду помнить путешествие в Пхеньян, на-

шу столицу. Мне тогда было девять лет; мы ездили втроем: Кымсун, я и папа. Мама предпочла остаться дома. Волшебное путешествие, пусть у нас и не было еды. В Пхеньяне нет небоскребов, но зато мы видели строящуюся гостиницу: она уже достигала 150 метров в высоту. Наверху балансировали люди и механизмы. Снизу они казались не больше муравьев!

До университетского городка больше трех остановок, и сердце бьется быстрее, в унисон с движением поезда. Скорость внушает мне меланхолию: она напоминает, что я с другой планеты. Там для того, чтобы добраться из Ындока (маленького городка, где мы жили) в Чхонджин (город, где жили мои дедушка и бабушка, всего в 95 километрах), требовалось два бесконечных дня. Изнурительное путешествие в лютом холоде; люди теснились в вагоне, как скот, а мочиться приходилось в железную коробку, чтобы не потерять свое место. Здесь, в Южной Корее, я могу покрыть то же самое расстояние в комфортабельном вагоне высокоскоростного поезда за 20 минут. В Северной Корее лишь столица располагала современными сооружениями, такими, как восхитившее меня пхеньянское метро.

Я думаю обо всех тех, кто остался позади и о ком я ничего не знаю с тех пор, как в 11 лет бежала из страны, чтобы выжить. Тогда у меня в животе и в доме было пусто. Тетушки, дядюшки, школьные товарищи – пережили ли они голод? Один из пассажиров в вагоне искоса на меня смотрит. Как

на иностранку... Между тем я делаю все, чтобы походить на коренную жительницу Южной Кореи. Я ношу туфли на каблуках, короткую юбку и облегающую блузку. На самом же деле я родилась 15 августа 1986 года в Ындоке, маленьком промышленном городке провинции Северная Хамген. После девятилетней одиссеи через Китай и Монголию я смогла обрести свободу. В Сеуле я получила паспорт, теперь я нахожусь здесь законно и начинаю новую жизнь.

Тем не менее, часто воспоминания тягостны, и меня неотступно преследует вопрос: почему мой народ в Северной Корее должен так страдать? Приехав в Сеул, я узнала ответ из газет и книг: виновен абсурдный тоталитарный режим. Виновно безумие жестокой династии Ким, которая топит в крови любое сопротивление. Виновна экономическая катастрофа – следствие доведенной до абсурда коммунистической системы. Однако меня эти ответы не удовлетворяют. Они не приносят спокойствия сердцу.

Главная причина моего недовольства в том, что объяснения оставляют меня абсолютно беспомощной. Я безбедно живу в 40 километрах от границы с колючей проволокой, отделяющей меня от родной земли, и никак не могу помочь своему народу, измученному голодом и давлением беспощадной власти. Северная Корея стала черной дырой для 22 миллионов людей, забытых всей планетой и братьями по крови из Южной Кореи. Иногда эта боль затапливает меня.

«Станция Синчон».

Автоматический голос разрывает тишину в вагоне и выдергивает меня из задумчивости; словно зомби, я выхожу на платформу, отыскиваю дорогу и начинаю взбираться по лестнице. В любом случае, выбравшись однажды на поверхность, я решила не оставаться в бездействии. Не может это продолжаться! Мою историю нужно рассказать, чтобы не позволить забыть мое ужасное прошлое. Чтобы миллионы медленно гибнущих жителей Северной Кореи обрели голос. И для того, чтобы рассказать о страданиях сотен тысяч таких, как я: о тех, кто пытался сбежать из ада и прозябает теперь в Китае. Нас, достигших «земли обетованной», Южной Кореи, – 22 тысячи. И здесь нас всегда считают людьми второго сорта, хотя единственная наша провинность состоит в том, что мы отказались умирать от голода.

Поскольку мои северокорейские братья не имеют права говорить, я напишу от их имени. Я уверена: однажды две Кореи объединятся. Нам понадобится помощь всего мира, чтобы восстановить отношения после долгой разлуки. Но чтобы найти решение, прежде всего требуется знать, каковы корни зла.

Некоторые из них я вместе с матерью и сестрой узнала после того примечательного дня, когда решила, что моя жизнь закончилась.

Глава 2. Я была хорошей ученицей...

Я никогда не думала, что исчезну так быстро. Зимой 1997 года детство меня окончательно покинуло, хотя я этого и не поняла. Перед тем я была просто маленькой девочкой, скорее счастливой. До девяти лет я ни в чем не испытывала нужды.

Бндок, мой родной город, находится на северо-восточной оконечности моей гористой страны, менее чем в 15 километрах от реки Туманган¹, отделяющей нас от Китая и России. В другую сторону – меньше часа езды на автомобиле до моря. Зимой стоят сильные морозы, и под громадным синим небом неделями лежит снег. Иногда для того, чтобы попасть в школу, нужно было идти по равнине, проваливаясь в снег по грудь. Зато на мой день рождения, в середине лета, всегда было жарко и влажно. В тот же день отмечают освобождение от японской оккупации в 1945 году. Это большой праздник.

Хотя мой город окружают заводы, он невелик: можно обойти за час. На горизонте виднеются немногочисленные деревья на дальних горах, но ближайšie холмы кажутся лишенными растительности, поскольку лес вырублен на дрова.

¹ Кит. Тумэньцзян, рус. Туманная. – Примеч. пер.

Недалеко от окраины города находятся рудники, получившие известность с тех пор, как сюда сослали опальных пхеньянских руководителей. Поблизости также много армейских сооружений, как и везде в стране, ведь мы все время опасаемся вторжения Соединенных Штатов и их союзника, Южной Кореи. Забираясь в горы за грибами, я замечала в той или иной степени закамуфлированные большие пушки, а подальше – казарму, которой мы старались избегать, так как военные пользовались дурной репутацией. Они часто применяли силу, чтобы грабить бедняков. Например, если группа солдат встречала курящего человека, они могли потребовать у него пачку сигарет. И если он отказывался, тем хуже для него!

Под большим мостом в центре Ындока протекала река; иногда я в ней купалась. От моего дома до реки десять минут пешком. Самые высокие здания в городе были из серого бетона, с выкрашенными в белый или розовый цвет балконами; они насчитывали максимум шесть этажей. Рекламы не было. Стены или оставались голыми, или на них вывешивали надписи в честь нашего руководителя Ким Чен Ира. В доме, где я жила, было всего четыре этажа и стены все в трещинах. «Этот дом в конце концов развалится», – говорили соседи.

Несмотря ни на что, в начале 1990-х годов я чувствовала себя вполне счастливой. Ничто меня так не радовало, как встречи с папой после школы. В иные дни он, раздобыв билеты при помощи связей на работе, вел меня в кино. Он был

рабочим на военном заводе имени 20-го января, названном так в память о посещении этого места президентом Ким Ир Сеном, основателем нашего государства. В Северной Корее большая часть государственных зданий названа в честь дат их посещения руководителем. Эта странная традиция – признак учрежденного нашими правителями культа личности, но я это пойму только много времени спустя.

Каждый раз папа назначал мне встречу возле кинотеатра, ближе к вечеру. Я приходила совсем одна, как большая. Но иметь билет в кармане недостаточно: самое трудное – получить сидячее место, так как у входа в зрительный зал возникала давка. Тогда папа меня поднимал, я верхом усаживалась ему на спину, и мы рассекали толпу. Я обожала этот момент! Мы смотрели приключенческие фильмы, в которых герои боролись против злых японских колонизаторов. Возле экрана в кинотеатре огромные плакаты провозглашали: «Объединимся с генералом Ким Чен Иром!»

Иногда папа вел меня на рынок, чтобы купить холодной лапши, это особенное пхеньянское блюдо. Мы несли ведро, он гордо предъявлял женщине за прилавком четыре государственных пищевых талона, и мы отправлялись домой смаковать нашу еду. Я никогда не ела ничего вкуснее! Даже если пищи не хватало, чтобы удовлетворить наш аппетит...

Мои родители происходили из «хороших» семей и представить не могли, что однажды будут умирать от голода. Это значит, что у них были хорошие связи в армии и Трудовой

партии, которые руководят страной. Подтверждение: в молодости мои родители жили в Пхеньяне, а жить в столице – привилегия. Мой дед был военным в невысоком чине и лелеял большие надежды относительно дочери. Он мечтал отправить ее в престижный университет Ким Ир Сена, лучший в стране, где учился сам Ким Чен Ир. Дедушка даже подкупил учителей, сделав новую игровую площадку в школе, чтобы дочь наверняка получила хорошие оценки на вступительном экзамене. К несчастью, моя мать была парнем в юбке и не интересовалась учебой. Она хотела стать шофером! И в день экзамена она опоздала... В один миг дедушкины мечты рухнули.

Тогда мама впервые проявила стальной характер, который позднее, без сомнения, спас мне жизнь. Мама всем заправляла в доме. Роста она невысокого, зато женщина умная и решительная. Когда она болела, ее лицо оставалось свежим и не изменяло обычного выражения. Я похожа на маму; когда я была маленькой, это меня приводило в отчаяние: ведь, когда я чувствовала себя больной, мне не верили и все равно отправляли в школу. Возможно, эта сила позволила мне выжить там, где не выдерживали другие.

В Ёндоке моя мать работала в рудничном госпитале и благодаря этому кормила всю семью. Она приносила нам остатки еды из столовой и так несколько лет спасала нас от голода. Мама часто жаловалась на отсутствие практичности

у отца; она считала его и слишком наивным, и недостаточно сильным физически. На свадебной фотографии папа довольно красив, но я помню, что на самом деле у него было тщедушное телосложение. Однажды мать отправила его воровать кукурузные зерна в поле, чтобы нас накормить. Он вернулся с пустыми руками... и без пальто: отца поймали крестьяне, грозили выдать, и пальто пришлось отдать. Мама была в ярости! В Корее мужчина должен быть сильным, если хочет от жены уважения. Брак родителей устроила моя бабушка с материнской стороны в то время, когда мама переехала из Пхеньяна в Чхонджин, крупный порт на востоке.

У папы не было делового чутья, зато имелась одна страсть: письмо. На заводе он всегда охотно брался составлять отчеты, а также плакаты и агитационные статьи. Но прежде всего он был человеком добрым, и мне, маленькой девочке, этого хватало.

В трудную минуту я также могла положиться на старшую сестру. Если ко мне приставали мальчишки, она бросалась на них и без колебаний встревала в драку. Кымсун на меня не похожа, но все-таки однажды нас приняли за близнецов. Она на два года старше, но ниже ростом; у нее матовая кожа и глаза больше, чем у меня; зато у нас одинаковые носы, и между нами есть определенное семейное сходство. Особенно проклятый характер! Она уверена в себе, очень хорошо умеет находить доводы и убеждать в своей правоте. В Ындоке друзья родителей за серьезный вид прозвали Кымсун

«взрослым ребенком».

Я очень любила школу и была хорошей ученицей. Каждодневный ритуал: мама будила нас затемно, я умывала лицо холодной водой (зимой вода часто ледяная). Потом, пока мама готовила завтрак, я бережно гладила школьную форму. Синяя юбка, белая рубашка и красивый красный галстук, знак принадлежности к Союзу детей. Я пока не имела права на значок с изображением Ким Ир Сена, который каждый гражданин Северной Кореи постоянно носит на груди с того момента, как подростком вступает в Союз молодежи. В рассветных сумерках я шла на большую площадь в центре города, где встречала школьных товарищей. Ровно в 7 часов мы размеренным шагом шли в школу, рядами, класс за классом, и пели песни в честь наших вождей. «Даже если мы малы, наш дух велик! Мы всегда будем готовы служить генералу Ким Чен Иру!» Одна из моих любимых песен называлась «Тысяча ли». Она рассказывала о путешествии молодого Ким Ир Сена через деревни и горы Китая в то время, когда он боролся против японцев.

После десятиминутного военного марша мы, как один человек, останавливались перед школой; учителя осматривали нашу школьную форму. Наконец, мы собирались в классной комнате, где всегда начинали день с чтения в тишине. Обычно мы читали рассказы о юности Ким Чен Ира: следовало почерпнуть из них примеры хорошего поведения. Например,

вот история о том, как мать Ким Чен Ира собирала зерна с земли на глазах у изумленного сына. «Почему ты так поступаешь, мама, ведь у тебя всего вдоволь?» – спросил будущий великий вождь. «Потому что никакими запасами пренебрегать не следует», – благоразумно ответила мать.

Я не всегда понимала смысл этих историй, но пыталась выгравировать их в памяти, как того требовала учительница.

Я часто украдкой рассматривала классную комнату: дощатый пол, ряды парт и 40 учеников. Передо мной, на помосте, стоял большой деревянный письменный стол учительницы; выше на стене висела черная доска, и на самом верху – портрет Ким Чен Ира, который внимательно смотрит на нас. В глубине помещения – печь, на ней мы зимой разогревали котелки с обедами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.